

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2023.92.64.003

Глобализм: становление, развитие и формы институционализации

Бохан Александр Сергеевич

Младший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела военно-гуманитарных исследований,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
125047, Российская Федерация, Москва, Большая Садовая ул., 14;
e-mail: ucozworking@yandex.by

Аннотация

Глобализм как восприятие человечества в рамках единой цивилизации, искусственно разделенной религиозными, национальными, политическими или классовыми границами, существует уже несколько столетий. Различные политические и общественные движения на основе данного мировосприятия неоднократно пытались перестроить миропорядок на основе своих «глобалистских» проектов. В рамках данной статьи прослеживается история возникновения данного типа мировосприятия и возникших вследствие этого политических и экономических проектов устройства мировой политики, включая такие из них, как либеральный интернационализм, марксизм, неолиберализм. Рассматриваются аспекты данных проектов, их сходства и различия. Особое внимание при этом уделяется идейным основам всех подобных идеологий, поскольку часто многие из них являлись прямыми конкурентами по перестройке социального устройства общества в рамках своей эпохи. В статье также рассматривается современный «глобалистский» дискурс, а также формы его институционализации в сферах мировой политики и экономики. Анализируется использование различных черт современного «глобализма» в качестве инструментов по реализации политических целей акторами мировой политики на современном этапе. В статье также уделяется внимание вопросам глобальной культуры как неотъемлемой части современного «глобалистского» дискурса.

Для цитирования в научных исследованиях

Бохан А.С. Глобализм: становление, развитие и формы институционализации // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 9А. С. 31-44. DOI: 10.34670/AR.2023.92.64.003

Ключевые слова

Глобализм, Просвещение, глобализация, марксизм, либерализм, Лига Наций, ООН, неолиберализм, Вашингтонский консенсус, мировая экономика.

Введение

В отечественной научной литературе принято говорить о «глобализации» как об объективном факторе мирового развития. В научных трудах и статьях речь обычно идет о «трех фазах глобализации» [Куприянов, www], а именно:

- великие географические открытия;
- промышленная революция;
- революция в области коммуникаций.

«Глобализм» в виде любого политического или общественного движения рассматривается в контексте попыток главных экономических акторов построить систему объяснения для своей версии глобализации в сфере экономики. Такой подход, однако, сводит роль идеологии «глобализма» и ее предшественников к способу дополнительной легитимации для различных общественных сил, получающих наибольшую выгоду от процессов глобализации. Вне данной трактовки остается целый пласт интеллектуального наследия, представители которого впервые «помыслили» о мире как о чем-то принципиально цельном. Формирование понимания мира сквозь призму определенных идеологических систем и ценностных установок во многом было изначально необходимым *условием* поддержания и развития определенных этапов становления мирового торгового и экономического порядка. Без общественной поддержки, которая формировалась вследствие публикаций трудов мыслителей или политиков, ратующих за то, что мир больше не должен знать войн, торговых преград или политических границ между государствами, процесс становления глобализации мог бы иметь гораздо более скромные достижения.

Основная часть

Создание и продвижение идей и концепций, ратующих за новое представление о мире и его будущем, началось относительно недавно по историческим меркам. Их зарождение и начальный этап эволюции относится к эпохе Просвещения и связан, прежде всего, с деятельностью европейских и американских «вольномыслителей», философов и энциклопедистов, отвергающих традиционный уклад общественного устройства и ратующих за его перестройку. Для мыслителей этого направления человеческий род в силу исторических причин был всего лишь искусственно разделенной общностью, которую можно воссоздать с помощью идеалов эпохи Просвещения: рационализма, республиканизма, демократизации общественной жизни и совершенствования механизмов международной торговли. При этом вопрос об объединении человечества в рамках единого государства не ставился во главу угла подобного мировоззрения. Речь шла, прежде всего, о создании такого чувства единения, которое охватывало бы в первую очередь идентичность человека и изменяло его мировосприятие. В политическом смысле проектов устройства «нового глобального общества» было множество. Например, Иммануил Кант как один из самых известных сторонников подобных позиций в своей работе «К вечному миру» отмечал, что народы, имеющие в своей основе республиканскую форму правления, предпочтут решать конфликты между государствами мирными способами для того, чтобы избежать бремени восстановления от разрушений, вызванных состоянием войны [Кант, 1994, 14-17]. Фактически, в данном случае речь идет о создании «естественного» союза между республиками, которые в силу объективных факторов предпочтут сотрудничество войне и будут рассматривать друг друга в качестве «братьев».

При обращении к истории можно проследить, когда было впервые публично использовано понятие «международный» в том контексте, который в современном языке означал бы смысловую дефиницию, связанную с глобалистским дискурсом. Подобное использование термина «международный» впервые встречается в знаменитом труде У. Бентама «Введение в основание нравственности и закона» [Бентам, 1998, 390]. На страницах этой книги понятие «international» используется для обозначения особой области юстиции, регулирующей правовые отношения между двумя суверенными государями.

Американская и в особенности Французская революции дали мощный толчок «глобальному» направлению общественной мысли, а штыки революционной армии были лучшим гарантом распространения этого мировоззрения по всей Европе. Несмотря на последовавшую за наполеоновскими войнами победу контрреволюционных сил в Европе над Францией, зерна революционного духа глубоко залегли на ниве европейской мысли. Введенная для борьбы с либеральными и социалистическими взглядами цензура уже не могла помочь спасти старый порядок от потрясений, которые обрушились на него в середине XIX в. с началом «весны народов»: либеральных националистических революций.

После наполеоновских войн резко возросло количество художественных произведений и публицистическо-научных работ на тему будущего человечества [Мазовер, 2016, 27-30]. В своих произведениях авторы обрисовывают картину объединения всех крупных наций в Европе, полного разоружения и устранения монархий.

Подобное развитие интеллектуального поля Европы диктовалось как субъективными, так и объективными причинами. Во-первых, с каждым годом росло понимание общности культурных и религиозных корней у всех европейских наций; во-вторых, происходила постепенная эмансипация различных слоев населения; в-третьих, процесс эмансипации и становление представительной формы правления состояли в тесном родстве с нарождающейся властью общественного мнения: теперь это новое явление все более укреплялось в европейском публичном пространстве [там же, 20-25] ; в-четвертых, возникала все более глубокая взаимосвязь между различными европейскими регионами в сфере торговли [там же, 37-46].

Весь XIX в. прошел под знаком интенсификации общественных отношений. Возникали различные ассоциации, парламентские партии и движения, риторика которых была связана с глобалистским дискурсом. Эти объединения «радикалов» существовали как в рамках революционных идеологий, как, например, социалисты-утописты, так и в рамках классических политических течений или даже религий, как это было, например, с некоторыми христианскими общинами [там же, 31-61; 8, Макмиллан, 2016, 370-406].

Отдельно следует указать на то, что марксизм и связанные с ним идеологические течения также представляли собой альтернативный взгляд на мироустройство. Однако в отличие от либеральной традиции интернационализма с ее упором на сферу торговли и распространения представительной формой правления, левые движения основной акцент в своих программах и доктринальных документах делали на вопросах собственности и классового угнетения. При этом особо подчеркивалось, что перестройка экономического уклада и переход к следующей экономической формации возможны только при глобальном переустройстве мировой экономической системы, поэтому классовые интересы не могут быть «национальными», а только «глобальными». Например, в рамках I Интернационала провозглашалась солидарность представителей рабочего класса из всех стран Европы в деле борьбы за свои права. Кроме того, I Интернационалом была осуждена реакционная внешняя политика, направленная на угнетение других национальностей. Провозглашалась солидарность рабочего класса с угнетенными по национальному признаку слоями населения.

Однако несмотря на быстрое развитие левых движений и организаций, добиться политического успеха в рамках какого-либо государства в XIX в. им не удалось. Политические режимы стран Европы проявили высокую степень устойчивости и продолжали свое существование на основе монархических или республиканских принципов.

В отличие от левых движений, либеральные представители интернационализма достигли определенных успехов, главным из которых стала политико-юридическая институционализация некоторых своих устремлений. Подписание конвенции о мирном разрешении споров в Гааге в 1899 году и создание на базе этой конвенции Постоянной Палаты Третейского Суда являлось одним из проектов переустройства мира на легалистской основе, что являлось одной из основных целей либерального переустройства европейской политики [Официальный сайт Постоянного Третейского Суда в Гааге, www]. В рамках своих полномочий судьи Палаты должны были разрешать споры между государствами мирными средствами. Структура суда – стандартная схема для подобного органа юстиции. Стратегическая цель подобного учреждения – интенсификация международной торговли и международных некоммерческих связей посредством устранения войны как способа разрешения противоречий между государствами. Своих целей, однако, этот орган не добился, т.к. государства предпочитали разрешать свои противоречия привычными методами. Этот тезис подтверждается обилием локальных кризисов и конфликтов накануне Первой мировой войны.

Различные движения за международную солидарность проводили активную пропагандистскую работу для углубления интеграции в целях предотвращения будущей мировой войны. Собирались конгрессы, конференции и саммиты, на которых обсуждались возможности влияния на руководства стран с целью ограничения военных программ, а также сокращения военного бюджета [Макмиллан, 2016, 370-406]. Одним из наиболее ярких исследований того периода была книга Нормана Энджела «Великая Иллюзия». В этой работе автор детально проанализировал экономическое положение государств в начале XX в., исследовал нравы и обычаи самых могущественных европейских наций, а также опроверг мифы, которые во многом определяли политический климат в Европе тех лет. Главный из этих мифов гласил, что победа в новой большой европейской войне обеспечит потенциальному победителю небывалое процветание. Н. Энджел последовательно доказывает несостоятельность этого тезиса, указывая на то, что финансовая система Европы начала XX в. была уже совершенно иного порядка относительно образца самой себя столетней давности. Ее стабильность отныне была связана с взаимными займами и долговыми обязательствами, а не с успешными завоевательными походами.

Несмотря на все усилия членов международного и пацифистского движений, в июле 1914 г. разразилась Первая мировая война или, как ее называли современники, «Великая война». Это была первая в истории война, в которой в массовом масштабе использовались ядовитые газы, танки, самолеты, пулеметы. Подобный арсенал нового вооружения и методов ведения боевых действий сильно ограничивал прорывные возможности армий, поэтому нередко сотни километров фронта превращались в непроходимые джунгли из траншей и колючей проволоки, которые оставались неизменными на протяжении нескольких лет.

Победа в «Великой войне» над Центральными державами была достигнута странами Антанты ценой серьезных людских и материальных потерь. Для обустройства мира после такого невиданного военного конфликта требовались неординарные решения. В европейской политике, уставшей от продолжительной войны, политических фигур, способных на подобное переустройство международного порядка, просто не было, а самые подходящие для этого политики не хотели брать на себя такую ответственность. В этих условиях совершенно

неудивителен тот факт, что на авансцену истории вышли Соединенные Штаты Америки во главе со своим президентом Вудро Вильсоном. Вудро Вильсон, профессор юриспруденции и видный публицист, был одним из главных апологетов либерального переустройства мировой политики, которое включало в себя следующие базовые принципы организации международных отношений: отказ от политики баланса сил в пользу общепризнанных правовых норм, которые бы регулировали все аспекты межгосударственного взаимодействия; отказ от имперской политики и принцип самоопределения народов.

Подобные взгляды не были исключением в той интеллектуальной среде, в которой происходило становление Вильсона как политика. Например, сокурсник Вудро Вильсона по университету Фредерик Тернер предложил президенту США свой проект переустройства миропорядка с опорой на либеральные принципы перед самым отъездом Вудро Вильсона во Францию на переговоры касательно мирного договора с Центральными державами [Романов, 2011, 100].

На Парижской мирной конференции подходы американского лидера к послевоенному устройству мира натолкнулись на европейское консервативное видение организации мировой политики. Главным постулатом школы дипломатии Старого Света был принцип баланса сил. Однако среди молодого поколения дипломатов стран Европы взгляды Вудро Вильсона пользовались поддержкой [Никольсон, 2016, 68]. Краеугольным камнем видения Вудро Вильсона была идея о создании всемирной организации, в которую входило бы абсолютное большинство государств мира. Именно в рамках этой организации должны были решаться мирным путем противоречия, ранее приводившие к войнам. В новой эпохе с таким смертоносным оружием риск конфликтов был слишком велик, а цена проигрыша – слишком высокой.

По иронии судьбы США не смогли присоединиться к ими же созданной архитектуре миропорядка, однако европейские страны поддержали большинство предложений Вудро Вильсона: провозглашался принцип самоопределения наций, на основе которого начали формироваться новые государства в центральной и юго-восточной Европе, война объявлена вне закона, а все споры отныне должны были решаться мирными способами. За новым миропорядком должна была следовать невиданная в истории глобальная организация – Лига Наций. В ее обязанности входило регулирование мировой политики с опорой на юридически обязывающие международные документы.

Впервые в истории глобалистский дискурс получил политическое выражение. Под крылом Лиги Наций продолжили свое развитие или были созданы с нуля многие международные профессиональные организации в сфере авиации, торговли, телеграфа/телефона и т.д. Повсеместное распространение получила метрическая система. Впервые в истории на международном уровне были зафиксированы права для отдельных категорий лиц из числа граждан тех стран, которые подписали уставные документы Лиги Наций. Так, провозглашалось стремление к защите прав женщин, трудящихся.

Бурное сближение различных обществ происходило в тесной взаимосвязи с процессом расширения политической репрезентации во многих странах мира.

Политические процессы 1930-ых гг., однако, практически полностью свели на нет начинания в сфере международной интеграции. Лига Наций оказалась неспособна предотвратить надвигающуюся катастрофу Второй Мировой войны, ибо сама процедура принятия решений в организации не подразумевала какого-либо механизма силового принуждения по отношению к нарушителю устава объединения. Крайней мерой наказания являлось обычное исключение из рядов организации (например, этот метод был применен по

отношению к СССР после начала войны с Финляндией). Если брать во внимание тот факт, что Германия изначально не являлась членом Лиги Наций, то не будет преувеличением заявление о том, что судьба Лиги как организации по обеспечению глобальной безопасности была предрешена с самого начала. Череда кризисов 1930-х гг. только углубила всеобщие противоречия (например, касательно наложения санкций на Италию за агрессию против Абиссинии), а Вторая Мировая война поставила жирную точку в истории Лиги. Ее тихая смерть в 1946 г. прошла практически незамеченной, а имущество и недвижимость по наследству перешли к новой организации – ООН.

Вторая Мировая война стала рубежом, предопределившим дальнейшее развитие всего мирового сообщества. В 1945 г. глобализм получил новый вариант институционализации в лице ООН. Эта организация стала новой вариацией Лиги Наций с новыми полномочиями и другими функциями. Впервые о новом объединении заговорили еще на Тегеранской конференции, однако окончательные контуры оно обрело уже на Ялтинской конференции в 1945 году [Материалы Крымской (Ялтинской) конференции..., www]. Новая организация должна была охватить большинство стран мира, решения же Совета Безопасности ООН имели обязательную силу для всех государств. Такими полномочиями не обладало ни одно политическое объединение в истории человечества. Кроме того, устав ООН юридически осудил войну как средство достижения политических целей и ввел конкретный механизм санкций за попытку начать и вести военные действия.

Окончание Второй Мировой войны ознаменовало собой новую эру в истории межгосударственного взаимодействия. В особенности это коснулось европейской части света. Именно здесь начались те интеграционные процессы, которые впоследствии привели к созданию ЕС, уникального феномена межгосударственной интеграции. Уже в начале 1950-х гг. были заключены первые соглашения между европейскими странами.

В то время США стали локомотивом, тянувшим западноевропейские страны за собой. Знаменитый план Маршалла открывал перед Западной Европой новые горизонты в деле восстановления экономической деятельности на своей территории. Однако делали это американцы небескорыстно. Помимо требований, на условии которых предоставлялась финансовая помощь в рамках плана Маршалла, американцы выдвинули идею «американизации» европейских экономик. В первую очередь эта идея касалась ФРГ, т.к. «американизация» рассматривалась в США как один из гарантов того, что германский империализм больше не создаст проблем для американцев и их союзников в Европе. Кроме того, США активно продвигали и спонсировали идеи европейской интеграции [Кубышкин, Цветкова, 2013, 86-88].

Подобная активность американцев, движимых своими геополитическими интересами, интенсифицировала развитие глобализма как движения и глобализации как процесса. Бурный рост благосостояния в 1950-е и 1960-е гг. сопровождал взросление и становление целого поколения, не знавшего войн, эпидемий и голода. Эта молодежь уже во многом не походила на своих родителей с их ценностными ориентирами и взглядами на жизнь. Юные американцы и европейцы восстали против устоев современных им обществ по обе стороны от «железного занавеса». Всеобщность этого феномена во многом демонстрирует глобальность того мира, который сложился к 1960-м гг., однако в данном случае важна не «глобальность» сама по себе, а последствия вышеупомянутых явлений, которые оказали значительное влияние на западные общества после «бурных 1960-х».

Основным следствием молодежных протестов 1960-х гг. стали не политические перемены в государствах, а процесс изменения социальной структуры общества. Протестные выступления

были направлены, прежде всего, на противостояние патриархальным порядкам, господствовавшим в странах Западной Европы и Северной Америки. Провозглашались лозунги борьбы за социальное равенство для всех угнетенных групп населения (сексуальные меньшинства, мигранты), за равенство полов, сексуальную революцию.

Неформальными лидерами молодежных протестов являлись студенческие активисты из леворадикальных организаций, которые впоследствии станут видными политиками, учеными и общественными деятелями.

Андре Глюксманн, один из видных представителей протестующей молодежи во Франции в 1968 г., в дальнейшем стал известным философом и общественным активистом. После окончания леворадикальных протестов Глюксманн продолжил бороться с «тиранией» в его понимании этого слова. Главной мишенью его деятельности стали «коммунисты», с которыми он начал бороться уже в 1970-е гг. В дальнейшем французский философ поддерживал бомбардировки Югославии в 1999 г., деятельность чеченских террористов в 2000 г., призывал вмешаться США в российско-грузинский конфликт в 2008 г.

Схожая трансформация произошла еще с целым рядом бывших активистов 1968 г., например, с такими, как Даниэль Кон-Бендит, Паскаль Брюкнер, Ален Финкелькраут, Бернар-Анри Леви. Все они в дальнейшем станут известны под общим названием «новых философов» (за исключением Даниэля Кон-Бендита). Данное направление интеллектуальной традиции своей главной целью провозглашало борьбу с тоталитаризмом и авторитаризмом во всех его формах. Промежуточной точкой на пути достижения конечной цели победы над тоталитаризмом, как уже было отмечено выше, являлось противостояние «коммунистам» во всех частях света, после же крушения советского блока в 1991 г. их усилия были направлены на продвижение «свободы» во всем мире.

Многие современные европейские политики также либо были сторонниками преобразования мира согласно взглядам «революции 1968 г.», либо окончили учебные заведения, в которых царил дискурс «долгого 1968 г.». Например, будущий лидер партии «Зеленых», а также министр иностранных дел и вице-канцлер Германии Йошка Фишер был соратником Даниэля Кон-Бендита, который в свою очередь также был активным политическим функционером партии «Зеленых».

В США бывшие левые мыслители оказали серьезное влияние на зарождение такого интеллектуального и политического движения, как «неоконсерватизм» [Хлопов, 2020]. Главной идеей неоконсерватизма стало изображение США в качестве «маяка свободы», единственного государства на Земле, способного бросить вызов «тирании». Для достижения данной цели, согласно воззрениям многих неоконсерваторов, были хороши такие средства, как прямая военная интервенция, экономические санкции и т.д. Конечным успехом этих действий должно было стать полная смена политического режима в стране, против которой предпринимались подобные шаги. Кроме того, неоконсерватизм подразумевал определенную экономическую модель: дерегулирование экономики, ставка на частный сектор, невмешательство государства в экономическую деятельность. При этом неоконсервативное течение вобрало в себя некоторые моменты классического американского консерватизма: подозрительное отношение к институту государства, опора на гражданское общество и неформальные объединения, идеализация патриархальной модели семьи [Зашихина, 2011].

Перманентное стремление к распространению определенной политической и экономической модели роднит внешнюю политику «неоконсерваторов» с революционными воззрениями других «глобалистов» из числа различных ультралевых движений, которые также стремились к распространению своих утопических идей на весь остальной мир. В статье У.

Кристола и Р. Кагана приводится следующее определение неоконсерватизма: «США призваны осуществлять «гуманную глобальную гегемонию» во всем мире в силу изначального и абсолютного превосходства своих моральных, культурных, социальных и политических ценностей» [Kristol, 1996].

Глобализм американского неоконсерватизма сводится к распространению определенных норм и практик на остальные государства без оглядки на их национальную, культурную или религиозную специфику. При этом не идет речи о трансформации самих США для более гладкого взаимодействия между странами. Н. Хомский называл данную политику «имперской».

Стремление переделывать внутреннюю политику других государств, согласно определенной идеологической модели, действительно роднит неоконсерватизм как интеллектуальное течение с различными аспектами таких идейных течений, как троцкизм, маосизм и некоторые другие крайне левые направления общественной мысли. При этом данные аспекты причудливым образом в эклектичной форме сочетаются с некоторыми постулатами обычного консерватизма [Зашихина, 2011].

Другим идеологическим течением в политических кругах Вашингтона помимо неоконсерватизма стал неолиберализм. Главными постулатами данного направления в сфере экономики являются следующие характерные черты: продвижение рыночной экономики и принципов свободы экономической деятельности в глобальном масштабе, однако с меньшей степенью дерегулирования, чем это предлагают установить неоконсерваторы. В сфере мировой политики неолибералы больше полагаются на инструменты мягкого воздействия. Главное отличие неолиберальной идеологии от неоконсервативной в конечном целеполагании и различном наборе инструментов для достижения целей. Если неоконсерваторы стремятся переустроить политическую систему других государств на основе строго заданных идеологических конструктов с помощью «жесткой силы», то неолиберализм делает ставку на «долгосрочные стратегии экономической эксплуатации» [Хлопов, 2020]. Сущность неолиберального подхода заключается в том, чтобы «экспортировать» определенные институциональные структуры, которые должны регулировать политическое и экономическое взаимодействие как во внутренней политике государств, так и их взаимоотношения друг с другом. Для достижения данной цели широко используются различные международные организации и структуры, которые с помощью неявного давления заставляют других акторов мировой политики действовать в соответствии с интересами американского истеблишмента [Чумаков, Штарк, 2019]. При этом основной акцент делается на следовании определенным строгим нормам и правилам, которые регулируют взаимодействие в сфере экономики и мировой политики. За «плохое поведение» нарушителя можно наказать, лишив его доступа к уже выстроенной системе распределения материальных и нематериальных благ.

Еще одной вехой в истории глобализма как идеи стало создание нескольких международных некоммерческих организаций, таких как Римский клуб и Трехсторонняя комиссия. В рамках этих структур различные представители политической, деловой и интеллектуальной элиты объединились ради изучения и выработки мер противодействия таким проблемам, которые, по их мнению, приобрели значение «глобальных». Среди них особо выделяются такие, как бесконтрольное использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, быстрый рост населения, особенно в развивающихся странах, а также вопросы индустриального перехода. Проблемы, поднятые в рамках деятельности этих организаций, быстро привлекли внимание видных политиков и государственных деятелей [там же]. Повестка подобных организаций оказала заметное влияние на проводимый курс как отдельными государствами, так и международными организациями. Дискурс о глобальных проблемах лежит в основе таких

понятий, как «зеленый переход», «устойчивое развитие», «борьба с глобальными социальными проблемами» и т.д.

В сфере экономики процессы трансформации шли вслед за новыми идейными концепциями, и драйвером «глобализации» экономики выступили неконсерваторы. Для начала преобразований потребовался жесткий экономический кризис, т.к. еще в начале 1960-х гг. государство по-прежнему контролировало магистральные направления развития экономики, курсы валют были жестко привязаны к золоту, а связи между субъектами экономики регламентировались национальными законодательствами.

Экономическая стагнация конца 1960-х гг. и нефтяные шоки начала 1970-х гг. потрясли всю финансовую систему западного мира. Старые механизмы больше не работали, а новая модель пока еще не была создана. На волне разразившегося во многих областях экономики кризиса к власти в англосаксонских странах пришли два неоконсервативных политика: Рональд Рейган в США и Маргарэт Тэтчер в Великобритании. Подходы этих двух лидеров к решению экономических проблем во многом определили все дальнейшее развитие мировой финансово-экономической системы. Самое важное новшество со стороны англосаксонских неоконсерваторов заключалось в предоставлении рынку полной свободы с минимальными регулятивными функциями со стороны государства. Отныне капитал мог беспрепятственно перетекать из одной страны в другую. Еще до президентства Рейгана была отменена привязка доллара США к золоту, что еще больше способствовало хаотичности рынка. С новыми же правилами степень контролируемости движения капитала была крайне низкой. Такими методами неоконсерваторы старались оживить экономическую жизнь своих стран и всей мировой экономики в целом. Однако дерегуляция рынка очень быстро привела к тому, что экономическую повестку в мире стали задавать корпорации-монстры, а многие страны в мировом разделении труда потеряли не только шанс на дальнейшее развитие, но и свои уникальные отраслевые производства.

Главным идейным орудием новой экономической политики стал «Вашингтонский консенсус», который был сформулирован английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г. в качестве свода правил экономической политики для стран Латинской Америки. Документ имел целью обозначить отход этих стран от дирижистской модели экономического развития 1960–1970-х гг. и принятие ими принципов экономической политики, общих для большинства развитых государств. Речь шла о принципах, которые, по мнению Уильямсона, отражали общую позицию администрации США, главных международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналитических центров. Их штаб-квартиры находились в Вашингтоне – отсюда и термин «Вашингтонский консенсус» [Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010]. Основные положения этого направления макроэкономической мысли были следующими: фискальная дисциплина, финансовая либерализация, либерализация притока прямых иностранных инвестиций, конкурентный обменный курс, дерегулирование, либерализация торговли, приватизация [там же].

В МВФ и Всемирном банке рассматривали Вашингтонский консенсус в качестве основной макроэкономической модели для развития, поэтому шанс на выделение кредита той или иной стране зависел от простого факта, принимает ли правительство данной страны «правила игры», заданные «Вашингтонским консенсусом».

Одними из главных полигонов для обкатывания этой макроэкономической школы стали страны постсоветского пространства и Восточной Европы. В них с разной степенью успешности проводилась политика шоковой терапии, приватизация, политика «открытых дверей».

Оффшоризация стала одним из синонимов неолиберального экономического порядка.

Крупнейшие корпорации стараются уходить от налогов, регистрируя свои офисы в тихих оффшорных «гаванях». Производства также выносятся в те страны, где ниже уровень экологических стандартов и заработной платы для сотрудников [Урри, 2016]. Такое устройство экономической системы порождает явление «турбокапитализма» [Luttwak, 2000]. Суть этого феномена заключается в способности капитализма аккумулировать весь капитал в единой точке пространства-времени, лишая при этом ресурсов другие отрасли. Цель такого подхода – максимизация прибыли с помощью наиболее инновационного сектора.

Крушение Советского блока оставило западные неолиберальные подходы без идеологической конкуренции. Теперь товары западных брендов открыто продавались на улицах Москвы и Варшавы. Подобный ход событий во многом породил иллюзии полного триумфа либеральной демократии образца 1990-х гг., а также сопровождающей ее глобализации. В это время появляется множество научных работ о глобальных идентичностях и конце истории. Подобные взгляды подкреплялись впечатляющим экономическим подъемом 1990-х гг. в США и Западной Европе. Первым отрезвляющим звонком для западных и мировых элит стал финансовый кризис на азиатских рынках в 1997-1998 гг. Тогда Вашингтонский консенсус начал давать трещину. После террористических атак 11 сентября 2001 г. США начали медленный, но верный дрейф от глобального лидерства к глобальной гегемонии. Подобная эволюция предопределила будущее противостояние между США и некоторыми другими крупными акторами мировой политики: Китаем и Россией. На начало 2000-х гг. эти страны готовы были принять США как глобального лидера, но принять их как глобального гегемона они уже не могли.

Полная либерализация способствовала возникновению глобальной массовой культуры потребления, доступной в той или иной мере почти каждому жителю Земли. Более богатые и талантливые получали больший кусок пирога, менее удачливые довольствовались малым [What empty homes and hipster coffee shops tell us about globalization, www]. Поточное производство в странах третьего мира и контейнерные перевозки произведенной продукции от места производства к конечному потребителю позволили насытить рынок самыми разнообразными товарами. То, что было недоступно раньше, теперь было доступно всем и каждому. Степень потенциально полученного удовольствия стала теперь определяться лишь толщиной кошелька.

Первый по-настоящему серьезный удар данная экономическая неолиберальная модель получила только в 2008 г., когда в США разразился кризис в сфере ипотечного кредитования. Бесконечно надуваемый «пузырь» потребительских кредитов лопнул. Цепная реакция от схлопывания этого финансового «пузыря» накрыла сначала сами США, а затем и весь мир.

Мировой финансовый кризис явился обоснованием отказа многих стран от «Вашингтонского консенсуса». В кризисной реальности правительства сделали ставку на давно знакомые рецепты ограниченного государственного вмешательства в экономику. Такие меры применялись в самих США, в ЕС и в азиатских странах. В итоге новые-старые экономические методы оказались достаточно эффективны в преодолении кризиса, однако сама система получила удар, от которого она уже не оправилась. Многие как на самом Западе, так и за его пределами увидели сущность неолиберального порядка. Его законы потворствовали, прежде всего, крупным банкам и корпорациям, но слишком мало внимания уделяли среднему классу и более бедным слоям населения. Как следствие, в западных странах происходит резкий скачок популярности популистских движений и партий, выступающих против политики открытых дверей и требующих «ренационализации» своих стран.

Глобализм как видение мира и интеллектуальное движение получил смысловую «спайку» с неолиберальной экономической политикой. Начиная с 1990-х гг., любой спикер, заявлявший,

что он глобалист, автоматически вызывал ассоциации с проводимым МВФ и Всемирным банком социально-экономическим курсом. Глобальная массовая культура также все чаще стала ассоциироваться с конвейерным производством.

Идеологическое поражение неолиберального финансового мирового порядка в 2008-2009 гг. подстегнуло различного рода экстремистов и фундаменталистов к активным действиям, прежде всего, на Ближнем Востоке. Многие на Западе ошибочно приняли первые ростки арабских революций 2011 г. за демократические перемены в регионе, однако в реальности главным драйвером большинства протестных акций были религиозные фундаменталисты, требовавшие «изгнания» иностранного влияния, прежде всего культурного. Несмотря на массовую поддержку протестных акций со стороны западных НПО и политиков, в большинстве арабских стран «демократическая оппозиция» так и не смогла обуздать радикалов.

Главным мотивом всех экстремистов, поднявшихся на волне «Арабской весны», является построение «мира с нуля» на полностью отличных от современных западных ценностей. Привлекательность этой модели не стоит недооценивать: сотни молодых людей бежали из ЕС, чтобы встать под черное знамя исламизма. Этот факт во многом перечеркивает однобокую трактовку поднятия радикализма как неудовлетворенность местного населения социально-экономическими условиями и политическими институтами. Разочарование этой части молодежи лежит глубже, а именно в плоскости все большего разочарования в культуре потребления, потери экзистенциальных смыслов жизни, отсутствия достойных перспектив самореализации в рамках господствующего леволиберального дискурса в культуре, образовании и массовой культуре. Все эти причины во многом возникли как следствие неолиберальной политики.

На современном этапе глобализм и глобалистский дискурс является эклектичным сочетанием сразу нескольких интеллектуальной традиции, прежде всего, стран Запада. Именно они представляют на нынешнем этапе исторического развития ядро глобализма как политико-идеологического течения с одной стороны, и центр процесса экономической глобализации с другой.

Экономическая модель современной мировой экономики, несмотря на все потрясения последних лет, функционирует на основе неолиберальных принципов. В сфере культуры и массовой коммуникации доминирует повестка наследия «долгого 1968 г.», в рамках которой господствующее положение занимает леволиберальный дискурс. Некоторый вес имеют представители неоконсервативного крыла в США, например, такие политики, как республиканцы Лэндси Грэм и Майк Помпео.

Начало специальной военной операции на Украине и последовавшие за этим санкции со стороны «коллективного Запада» против Российской Федерации очертили упомянутую выше эклектичность современного глобализма и глобалистского дискурса. Вместе с экономическими санкциями, наложенных в рамках действующей неолиберальной модели, ограничения также охватили сферу культуры, науки, спорта, гуманитарных программ, общественных организаций. При этом основные политические силы, поддерживающие политику санкций против Российской Федерации, являлись представителями леволиберальных сил Запада (Зеленые, социал-демократы, либералы в США), которые по совместительству являются доминирующей силой в управлении в сфере СМИ и культуры. Кроме того, именно леволиберальные силы ответственные за формирование общественного дискурса в ведущих странах Запада в силу их решающего влияния на систему образования, особенно в области гуманитарных наук вследствие доминирующего положения представителей данного идеологического направления в ведущих университетах и аналитических центрах Запада.

Заключение

Перспективы современного мирового глобального порядка, глобализма как политико-идеологического течения неясны. Приход к власти Дональда Трампа в США поставил под вопрос легитимность либерального мирового порядка. Из уст прошлого президента США часто можно было услышать заявления о необходимости возвращения национальных производств из других стран обратно в США, что является прямым ударом по самым основаниям неолиберальной модели экономики. Помимо Трампа подобный тип политиков либо уже находится у власти, либо имеет солидное влияние в целом ряде высокоразвитых стран. Кроме того, стремление некоторых стран к построению «многополярного мира», основанного на честной конкуренции и взаимовыгодном сотрудничестве, является камнем преткновения для всех вариаций современного глобализма, поскольку это подразумевает создание альтернативных «правил игры», которые будут определять сущностное содержание мировой политики в недалеком будущем. Однако стоит упомянуть, что ключевым элементом построения западнцентричного глобализма на современном этапе является поддержание собственной системы норм и правил, регулирующих то, как действуют акторы мировой политики (т.н. «миропорядок, основанный на правилах»). Для создания подлинной многополярности и устранения западнцентричной версии глобализма на современном этапе требуется создание собственной системы потенциальных правил, которые бы позволили регулировать отношения между всеми заинтересованными сторонами без риска возникновения неконтролируемого хаоса и войны «всех против всех».

Коронавирусный кризис, специальная военная операция по защите Донбасса в 2022 году, начало глобального финансового кризиса в начале 2023 года – все это до неузнаваемости изменило привычный миропорядок. Предсказать то, как будет выглядеть мир после этих событий, крайне затруднительно. Единственное, о чем можно заявить достаточно уверенно: произойдет относительное усиление государств как институтов, а, следовательно, «рэнационализация» в различных сферах, прежде всего, в экономике. Уже сейчас можно наблюдать тенденцию по возвращению вывезенного в другие страны производства, а также создания замкнутых производственных циклов критически важной продукции.

На основе данных фактов можно предположить, что неолиберальный мир, каким мы его знаем сегодня, изменится. В этой связи судьбы глобализма и глобалистского дискурса в его современной вариации весьма туманны.

Библиография

1. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15-27.
2. Бенгам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Зашихина И. Неоконсерватизм как современный политический проект США // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 44-48.
4. Кант И. К вечному миру // Собр. соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994 Т. 7. 495 с.
5. Кубышкин А., Цветкова Н. Публичная дипломатия США. М.: Аспект пресс, 2013. 271 с.
6. Куприянов А. Свежий ветер в парусах глобализации. URL: <https://expert.ru/2020/05/5/svezhij-veter-v-parusah-globalizatsii/>
7. Мазовер М. Власть над миром. История идеи. М.: Кучково Поле, 2016. 432 с.
8. Макмиллан М. Война, которая покончила с миром, кто и почему развязал первую мировую. М.: Центрполиграф, 2016. 719 с.
9. Материалы Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и

- Великобритании. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim.htm
10. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М.: Икс Хистори, 2016. 416 с.
 11. Официальный сайт Постоянного Третейского Суда в Гааге. URL: <https://pca-cpa.org/ru/about/introduction/history/>
 12. Романов В. Первая мировая война и универсалистские проекты реформирования миропорядка // Забытая война и преданные герои. М.: Вече, 2011. 320 с.
 13. Урри Д. Офшоры. М.: Дело, 2016. 288 с.
 14. Хлопов О. Неоконсервативная и неолиберальная парадигмы международных отношений о глобальном лидерстве США // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 11. С. 164-171.
 15. Чумаков А., Штарк Л. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4. С. 40-49.
 16. Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. No. 4. P. 18-32.
 17. Luttwak E. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. New York, 2000. 290 p.
 18. What empty homes and hipster coffee shops tell us about globalization. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/what-indianas-empty-roads-and-hipster-coffee-houses-tell-us-about-globalization/>

Globalism: formation, development and forms of institutionalization

Aleksandr S. Bokhan

Junior Researcher,
Research Department of Military Humanitarian Studies,
Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation,
125047, 14, Bol'shaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ucozworking@yandex.by

Abstract

Globalism, as the perception of humanity within a single civilization artificially divided by religious, national, political or class boundaries, has existed for several centuries. Various political and social movements, based on this worldview, have repeatedly tried to rebuild the world order on the basis of their “globalist” projects. This article traces the history of the emergence of this type of worldview and the resulting political and economic projects for the organization of world politics, including such as liberal internationalism, Marxism, and neoliberalism. Aspects of these projects, their similarities and differences are considered. Particular attention is paid by the author of the paper to the ideological foundations of all such ideologies, since often many of them were direct competitors in restructuring the social structure of society within their era. The article also examines the modern “globalist” discourse, as well as the forms of its institutionalization in the spheres of world politics and economics. The use of various features of modern “globalism” as tools for the implementation of political goals by actors in world politics at the present stage is analyzed in this paper. The article also pays attention to issues of global culture as an integral part of the modern “globalist” discourse.

For citation

Bokhan A.S. (2023) Globalizm: stanovlenie, razvitie i formy institutsionalizatsii [Globalism: formation, development and forms of institutionalization]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 12 (9A), pp. 31-44. DOI: 10.34670/AR.2023.92.64.003

Keywords

Globalism, Enlightenment, globalization, Marxism, liberalism, League of Nations, UN, neoliberalism, The Washington consensus, world economy

References

1. Anan'in O., Khaitkulov R., Shestakov D. (2010) Vashingtonskii konsensus: peizazh posle bitv [Washington Consensus: Landscape after the Battles]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 12, pp. 15-27.
2. Bentham J. (1998) *Vvedenie v osnovanie npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: ROSSPEN Publ.
3. Chumakov A., Shtark L. (2019) Rimskii klub: k itogam poluvekovoi deyatel'nosti [Club of Rome: to the results of half a century of activity]. *Vek globalizatsii* [Century of Globalization], 4, pp. 40-49.
4. Kant I. (1994) K vechnomu miru [Towards eternal peace]. In: *Sobr. soch. v 8 t.* [Collect. Op. in 8 volumes]. Moscow: Choro Publ. Vol. 7.
5. Khlopov O. (2020) Neokonservativnaya i neoliberal'naya paradigmy mezhdunarodnykh otnoshenii o global'nom liderstve SShA [Neoconservative and neoliberal paradigms of international relations on US global leadership]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 11, pp. 164-171.
6. Kristol W. (1996) Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. *Foreign Affairs*, 75, 4, pp. 18-32.
7. Kubyshekin A., Tsvetkova N. (2013) *Publichnaya diplomatiya SshA* [Public diplomacy of the USA]. Moscow: Aspekt press Publ.
8. Kupriyanov A. *Svezhii veter v parusakh globalizatsii* [Fresh wind in the sails of globalization]. Available at: <https://expert.ru/2020/05/5/svezhij-veter-v-parusakh-globalizatsii/> [Accessed 10/10/2023]
9. Luttwak E. (2000) *Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy*. New York.
10. Macmillan M. (2016) *Voina, kotoraya pokonchila s mirom, kto i pochemu razvyazal pervuyu mirovuyu* [The War That Ended Peace: The Road to 1914]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.
11. *Materialy Krymskoi (Yaltinskoi) konferentsii rukovoditelei trekh soyuznykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii* [Materials of the Crimean (Yalta) conference of the leaders of the three allied powers – the USSR, the USA and Great Britain]. Available at: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim.htm [Accessed 10/10/2023]
12. Mazower M. (2016) *Vlast' nad mirom. Istoriya idei* [Governing the World: The History of an Idea, 1815 to the Present]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ.
13. Nicholson G. (2016) *Kak delalsya mir v 1919 godu* [How the world was made in 1919]. Moscow: Iks Khistori Publ.
14. *Ofitsial'nyi sait Postoyannogo Treteiskogo Suda v Gaage* [Official website of the Permanent Court of Arbitration in The Hague]. Available at: <https://pca-cpa.org/ru/about/introduction/history/> [Accessed 10/10/2023]
15. Romanov V. (2011) Pervaya mirovaya voina i universalistskie proekty reformirovaniya mirovoryadka [The First World War and universalist projects for reforming the world order]. In: *Zabytaya voina i predannye geroi* [Forgotten War and Devoted Heroes]. Moscow: Veche Publ.
16. Urri J. (2016) *Ofshory* [Offshoring]. Moscow: Delo Publ.
17. *What empty homes and hipster coffee shops tell us about globalization*. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2018/11/what-indianas-empty-roads-and-hipster-coffee-houses-tell-us-about-globalization/> [Accessed 10/10/2023]
18. Zashikhina I. (2011) Neokonservativizm kak sovremennyi politicheskii proekt SShA [Neoconservatism as a modern political project of the USA]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: humanities and social sciences], 4, pp. 44-48.